

скаго больше патристизма, нежели политическаго безпристрастія и справедливости: изъ множества возраженій, которыя могли бы мы представить ему, приведемъ только одно: что жъ дѣлать съ міромъ армянскимъ, который, по численности своей, даже больше греческаго, и, какъ самостоятельная національность, имѣетъ также полное право на участіе всякаго другаго христіанскаго правительства? Было время, что мы и сами признавали ртшеніе въ пользу греко-славянскаго міра болѣе удобнымъ; но дальнѣйшее изученіе этого предмета привело насъ къ другимъ результатамъ, развитіе которыхъ потребовало бы особенной статьи. Мы и не имѣли въ виду представлять здѣсь нашъ взглядъ на это дѣло: мы только хотѣли собрать въ одинъ фокусъ мнѣнія различныхъ европейскихъ журналовъ по восточному вопросу.

Книга «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ» можетъ служить матеріаломъ при историческомъ изученіи восточнаго вопроса: здѣсь собраны извлеченія изъ разныхъ актовъ государственнаго архива въ Москвѣ по дѣламъ духовнымъ, со временъ Іоанна III по 1624 годъ. Не надобно только забывать, что книга эта составлена съ извѣстною цѣлю и въ извѣстномъ направленіи, и что, слѣдовательно, собранныя въ ней грамматы ожидаютъ еще критической оцѣнки и обработки.

1859 г. 21. 12. 1859

И. Б.

Путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1855 году Р. Маакомъ. Съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ. Изданіе С. Ф. Соловьева. Санкт-петербургъ. 1859.

Передъ нами огромный томъ, in-quarto, въ 550 страницъ убористой печати, заключающій въ себѣ самый подробный, самый мелочный отчетъ о плаваніи по Амуру отъ завода шилкинскаго до Маріинскаго Поста (нынѣ города Маріинска), и обратно, геогностическое описаніе амурскаго побережья, описаніе амурской фауны и амурской флоры. Къ нему приложенъ великолѣпный, роскошный альбомъ съ изображеніями амурскихъ видовъ, мѣстныхъ народныхъ типовъ, жилищъ, одежды, утвари, рыболовныхъ и охотничьихъ снарядовъ и замѣчательнѣйшихъ растений, характеризующихъ амурскую флору. Изданіе, въ полномъ смыслѣ, роскошное, дѣлающее честь сибирскому золотопромышленнику г. Соловьеву, насчетъ котораго г. Маакомъ съ товарищами была предпринята и самая экспедиція.

Книга является весьма-вѣстаті въ ту самую минуту, когда отдаленный, почти-безвѣстный доселѣ уголокъ Восточной Азии приковалъ къ себѣ вниманіе Россіи. Но всѣ эти обстоятельства еще не служатъ доказательствомъ неоспоримаго достоинства книги: она, конечно, удовлетворяетъ потребностямъ времени; но степени этого удовлетворенія весь-

ма различны. Мы укажемъ въ послѣдствіи на то, что даетъ книга г. Маака и чего она не даетъ; теперь же на нѣкоторое время обратимся къ самому предмету книги.

Съ вопросомъ объ Амурѣ у насъ повторилось то же самое, что бываетъ со всѣми нашими общественными и государственными вопросами. Мы ничего не знали, нисколько не думали объ Амурѣ до-тѣхъ-поръ, пока намъ внезапно не сказали, что вопросъ объ Амурѣ составляетъ важный государственный русскій вопросъ. Мы знали только, что тамъ, гдѣ-то на востокѣ, есть большая рѣка, что истоки ея принадлежать намъ, находятся въ предѣлахъ обширнаго Русскаго Царства, а устье, гдѣ-то далеко, за тридцать земель, вливается въ воды Восточнаго Океана. Мы думали-гадали далѣе, что рѣка эта, должно-быть, широка и глубока, что плавать по ней удобно, что воды ея обильны рыбою, берега, должно-быть, плодородны, богаты пушными звѣрями, что вдоль по ея берегамъ живутъ разные народцы, что съ народцевъ этихъ китайцы берутъ дань и, должно-быть, считаютъ ихъ и всю страну, ими населенную, своею собственностью, своею землею.

Вдругъ до насъ дошло извѣстіе, что китайцамъ эта земля не принадлежитъ и никогда не принадлежала, что Амуръ со всѣмъ его теченіемъ, и даже нѣсколько больше, чѣмъ одинъ Амуръ, что все это наше. Амуръ со всею обширною амурскою страной, со всѣмъ маньчжурскимъ берегомъ почти вплоть до Кореи, унасъ для насъ точно съ неба, достался намъ совершенно даромъ. Этого мало. Говорили даже, что мы его никогда и не теряли, что онъ всегда былъ нашъ: мы только не умѣли, или не хотѣли имъ пользоваться.

Было отчего предаться самой неумѣренной, самой восторженной радости. Спокойно, безъ боя, безъ капли крови русская государственная область на востокѣ увеличилась цѣлою страной—и какою страной! Одинъ объемъ ея превосходить любое изъ европейскихъ первостепенныхъ государствъ. И чего-чего нѣтъ въ этой благодатной, роскошной странѣ! Ее омываетъ рѣка—вторая Миссиссипи по полнотѣ своихъ водъ, по глубинѣ своего фарватера. Эта рѣка, благодѣлительнѣйшая изъ рѣкъ Азіи, на всемъ своемъ протяженіи отъ Усть-Стѣпки, отъ того мѣста, гдѣ Шилка сливается съ Аргунью, и вплоть до самаго моря, на протяженіи какихъ-нибудь четырехъ тысячъ верстъ, удобна для судоходства въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ. Мы заведемъ по этой рѣкѣ пароходы; скоро, очень-скоро, черезъ годъ, много-много черезъ два, пароходы будутъ сновать по ней внизъ и вверхъ, разсылая ея дѣятельныя воды. На Амурѣ мы заведемъ обширныя торговля сношенія съ полудикими маньчжурами, съ китайцами, японцами; Амуръ сблизитъ насъ съ Америкой; къ намъ пріѣдутъ американцы; мы съ ними столкнемся здѣсь лицомъ-къ-лицу; начнутся самыя дѣятельныя сношенія; мы даже съ благороднымъ безкорыстіемъ откроемъ имъ Амуръ для колонизаціи. Дружескія связи, болѣе-близкое знакомство, безпрестан-

ное взаимодействие откроется между двумя самыми могущественными расами въ міръ, англосаксонскою и славянскою, уже издавна чувствующими какое-то взаимное влеченіе другъ къ другу, и скоро, очень-скоро мы увидимъ блестящіе плоды этого сближенія. На Амуръ мы въ короткое время успѣемъ во всемъ сравниться съ дѣятельными янками; намъ нуженъ только въ-очію примѣръ, образецъ: мы умѣемъ перенимать такъ быстро. Сама Европа на Амуръ, конечно, пожадуется къ намъ въ гости, и сношенія Восточной Сибири съ Европой, съ самою Россіей чрезъ Амуръ облегчатся такъ сильно... Получивъ Амуръ, мы Иркутскъ, Забайкальскую Область придвинули почти къ самому морю; мы сдѣлали чудеса! Для Восточной Сибири, для этого богатнаго края, который, для полнаго раскрытія своихъ богатыхъ естественныхъ источниковъ, нуждался только въ путяхъ сообщенія, мы съ-разу открыли прекрасный, самый удобный и самый легкій путь, которымъ потекутъ въ этотъ счастливый край все богатства земныя. Въ Иркутскъ всего будетъ много; за европейскій сахаръ не будутъ платить по 60 и даже по 90 копеекъ за фунтъ, какъ платили до-сихъ-поръ очень-часто: житель Иркутска будетъ получать сахаръ чуть-ли не по той же самой цѣнѣ, по которой получаетъ его житель Лондона, или Гамбурга. Прекрасный климатъ, плодороднѣйшая въ міръ почва сдѣлаетъ изъ Приамурья богатую, неистощимую житницу всего восточнаго края, и въ Камчатку незачѣмъ будетъ посылать европейскій хлѣбъ и европейскій картофель. Мы разведемъ виноградники на Амуръ — чего нельзя развести подъ этимъ благословеннымъ небомъ! и скоро вино съ береговъ Амура помрачитъ славу знаменитаго рейнвейна. Мы разведемъ тамъ шелководство, и ничто не можетъ помѣшать намъ въ короткое время превратить весь этотъ край въ самый обильный промышленный рынокъ. Минеральныя богатства, конечно, не замедлятъ открыться: горы Азіи вѣдь такъ полны ими—и вотъ въ нашемъ обладаніи новая Калифорнія, новая Австралія! Нужна только дѣятельность, нужна энергія, сила; но развѣ недостаетъ у насъ и дѣятельности и энергіи, и въ-особенности силы? Закипѣла, говорятъ, самая энергическая дѣятельность; приведена въ дѣйствіе русская сила...

Въ нашихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Мы только составили самый вѣрный докладъ изъ всего того, что писалось, что печаталось и говорилось объ Амурѣ, докладъ о томъ, что дѣлалось и чего хотѣлось. Отъ полнаго невѣдѣнія объ Амурѣ мы быстро перешли къ самому полному, безграничному увлеченію Амуромъ: въ нашей пылкой фантазіи, несдержанной никакими положительными данными, раздались чудеса: даже откупщики платили милліоны за право продажи вина въ новомъ, благословенномъ краю. Увлеченіе, какъ извѣстно, свойство весьма-похвальное; безъ увлеченія во всякомъ дѣлѣ мало можетъ выйти хорошаго. Но бываютъ различныя его степени и различныя виды. Увлекаются американцы, увлекаются и холодные англичане. Но отъ нашего

тѣмъ отличается ихъ увлеченіе, что ему всегда предшествуетъ знаніе, что оно основано на точныхъ, положительныхъ данныхъ; ихъ увлеченіемъ руководить не фантазія, не вѣра въ чудесное, а вѣрный, основательный расчетъ. Увлекаются тамъ цѣлыя массы; тысячами переселяются въ новыя страны, и эти тысячи никто не погоняетъ, никто не высылаетъ ихъ насильно; свободно, добровольно отправляются они сами за моря, за тридевять земель, туда, куда влечетъ ихъ расчетъ, зрѣло-обдуманный, и надежда на вѣрную прибыль. Такими свободными переселенцами быстро колонизируются пустынные страны; быстро возникаютъ новые города въ тѣхъ пунктахъ, куда, вслѣдствіе возникшихъ мѣстныхъ условій, совершается естественнымъ порядкомъ приливъ свободныхъ колонистовъ. Не администрація принадлежитъ здѣсь инициатива, не администрація управляетъ движеніемъ: движеніе идетъ изъ другихъ источниковъ, изъ другихъ цѣлей и интересовъ; на немъ лежитъ иной характеръ, несвойственный нашему европейскому быту. Съ самаго появленія своего въ такой новой странѣ человѣкъ начинаетъ чувствовать и понимать, что онъ всѣмъ обязанъ исключительно самому себѣ; онъ самъ складываетъ свой бытъ, не только частный, но и общественный. Вотъ отчего тѣ силы, которыя онъ приноситъ съ собою, вырастаютъ такъ страшно; вотъ отчего въ такое удивленіе приводитъ насъ чело-вѣческая дѣятельность въ новыхъ странахъ, заселяемыхъ преимущественно англосаксонскимъ племенемъ. Вотъ отчего и города тамъ сами-собою растутъ не по днямъ, а по часамъ, и въ нѣсколько лѣтъ далеко оставляютъ за собою тѣ пункты, которые такъ усердно цѣлые вѣка холить и лелѣть административная любовь въ Старомъ Свѣтѣ.

Не въ такой формѣ совершилось новѣйшее движеніе русскихъ на Амуръ. Съ начала и до-сихъ-поръ это движеніе было предпріятіемъ чисто-правительственнымъ. Самый вопросъ о занятіи Амура былъ поднятъ правительствомъ въ то время, когда русскому народу, когда самимъ сибирякамъ, повидимому, такъ близко заинтересованнымъ въ этомъ вопросѣ, онъ даже и не мерещился. Всѣ первыя трудности, съ которыми соединено изслѣдованіе Амура; занятіе его, пали безраздѣльно на долю правительства; народная предпримчивость, духъ народной само-дѣятельности ему нисколько не помогали. Положимъ, на первыхъ порахъ этому пренятствовала та тайна, въ которой держали все дѣло, въ которой, можетъ-быть, и слѣдовало его держать; но два года уже, какъ владѣніе Амуромъ закрѣплено трактатами—а свободная колонизація не начиналась и не начинается. Дѣйствуетъ, и дѣйствуетъ энергиче-ски только одно правительство. Мы не касаемся здѣсь нисколько вопро-са о томъ, отъ какихъ причинъ это зависитъ, отчего страна, народъ, общество въ этомъ движеніи вовсе не участвуютъ; но мы убѣжде-ны въ томъ, что еслибъ у насъ были условія для самостоятельности, то она не замедлила бы явиться, не замедлила бы принять размѣры самыя обширныя: въ способности разумно понимать дѣло, въ способ-

ности дѣлать дѣло, въ духѣ предпріимчивости русскому народу отказывать нельзя. Такъ, чтобъ не ходить далеко за доказательствами, самъ Амуръ можетъ представить самое убѣдительное: онъ русскому народу былъ знакомъ двѣсти лѣтъ назадъ, когда русская администрація была безсильна, когда ея въ Сибири почти не было. Русскій человѣкъ добровольно, по собственному побужденію, по собственному разсчету, никѣмъ негонимый, зашелъ на берега Амура, настроилъ тамъ остроговъ, завладѣлъ страной, подчинилъ ее державной рукѣ царя московскаго; Хабаровы, Степановы, Толбузины совершили на Амурѣ чудеса храбрости, безъ всякой помощи со стороны администраціи. Съ усиленіемъ администраціи прекратились казацкіе подвиги. Чтѣ явилось на смѣну ихъ?...

Такимъ-образомъ и на Амурѣ, какъ вездѣ и во всемъ, во главѣ русскаго движенія идетъ русское правительство. На него исключительно падаютъ всѣ заботы по занятію, заселенію Амурскаго Края и первоначальному развитію его промышленныхъ силъ. Съ 1855 года самое неутомимое, самое энергическое движеніе началось по Амуру. Ежегодно, съ открытіемъ плаванія, изъ Стрѣтенска, изъ завода Шилкинскаго, изъ Усть-Стрѣлки снаряжаются громадныя экспедиціи, и по нѣскольку сотъ баржъ, съ обязательными переселенцами изъ казаковъ забайкальскихъ, баржъ, нагруженныхъ до-нельзя всѣмъ потребнымъ для края довольствомъ, спускается внизъ по Амуру. Вдоль всего его теченія устраиваются военные посты и станціи; являются слободы, заселенныя переселенцами, по жребію или по наряду вывезенными изъ Забайкальскаго Края; воздвигаются города, въ которыхъ военный, чиновническій элементъ одинъ исключительно господствуетъ; завязываются сношенія съ туземцами, которые теперь непосредственно познакомятся съ русскимъ чиновникомъ и съ русскимъ казакомъ. Мѣстная администрація дѣйствуетъ энергически: всѣ заботы лежатъ на ней исключительно. Не видя помощи, подспорья со стороны свободной, добровольной колонизаціи, она наложила, какъ государственную повинность, на народонаселеніе Забайкальской Области обязанность доставить Амурскому Краю первыхъ его обитателей. Ежегодно, по жребію, цѣлыя тысячи изъ Забайкалья отправляются на Амуръ. Первые попытки свободной колонизаціи оказались вполнѣ-безуспѣшными, и мѣстной администраціи пришлось довольствоваться одними тѣми средствами, которыя у нея въ распоряженіи. Ближе съ этими средствами можетъ познакомиться читатель изъ весьма-замѣчательной статьи г. Завалишина (*), изъ которой мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ.

(*) Статья г. Завалишина объ Амурѣ помѣщена въ 10 № «Вѣстника Промышленности» за нынѣшній годъ. Онъ обѣщаетъ продолженіе. Не можемъ не пожелать, чтобъ обѣщаніе автора было выполнено. Желательно только, чтобъ менѣе пробивалась въ этихъ статьяхъ личность самого ав-

«Относительно извѣстій, сообщаемыхъ объ успѣхахъ, будто-бы, заселенія Амура и состоянія населеній на немъ, начнемъ съ того (говорить г. Завалишинъ), что главнаго-то элемента, добровольныхъ переселеній—*нѣтъ*. А между-тѣмъ и опытъ, и наука говорятъ, что никакія искусственныя сочетанія вѣшнихъ распоряженій и понужденій не въ состояніи замѣнить ни въ какомъ дѣлѣ внутренняго живаго начала, и безъ него всегда будутъ безплодны. Были, правда, сначала, въ 1855 году, охотники; но послѣ ихъ не нашлось, да и до-сихъ-поръ не находится, несмотря на всѣ вызовы, убѣжденія, льготы... Дурной примѣръ, показанный надъ добровольными переселенцами 1855 года, которыми не дали обѣщаннаго мѣста поселенія, дошедшее извѣстіе о гибели добровольныхъ переселенцевъ на аянскомъ трактѣ, извѣстія, принесенныя послѣднее-вышедшими и т. п. совершенно измѣнили расположеніе здѣшняго населенія, такъ-что, за отсутствіемъ добровольнаго движенія, остались только мѣстныя распоряженія.»

Такимъ-образомъ въ настоящее время колонизировать Амурскій Край возможно не иначе, какъ только дѣйствіемъ административныхъ распоряженій. У народа нѣтъ свободнаго стремленія переселяться въ тотъ край, гдѣ природныя условія, говорятъ, такъ хороша, но гдѣ существуютъ другаго рода условія, такъ мало благоприятствующія свободному приливу рабочаго и промышленнаго населенія. Вызовы, льготы оказываются безувѣрными. По мнѣнію г. Завалишина, дѣло испорчено въ самомъ началѣ: намъ кажется, что врядъ ли амурская колонизація, при нынѣшнихъ условіяхъ, могла получить другой характеръ.

Вотъ каковъ былъ первый опытъ свободной колонизаціи, по словамъ г. Завалишина :

«Добровольныхъ переселенцевъ 1855 года сплавляли на устье Амура, сказавъ имъ, что ихъ поселятъ близко: въ надеждѣ на это, зажиточные взяли съ собою много хлѣба и другихъ хозяйственныхъ предметовъ и пригнали много скота, какъ вдругъ имъ сказали, что они могутъ взять только небольшое, опредѣленное количество всего. Такимъ-образомъ тотъ, кто не имѣлъ провожавшихъ его родныхъ, или знакомыхъ, съ кѣмъ бы могъ отослать излишнее, *чего не позволяли взять*, бросилъ даремъ, или продалъ за безцѣнокъ купцамъ, особенно скотъ; а тѣ, разумѣется, перепродали, при случаѣ, *и даже въ казну*, съ огромнымъ барышомъ. И вышло то, чтобъ образъ дѣйствій доставилъ выгоду, конечно, однимъ спекулянтамъ-купцамъ, а на переселенцевъ пали всѣ невыгоды. Надо сказать, что такія же точно послѣдствія имѣли и всѣ другія распоряженія, предпринятые будто-бы для пользы края и улучшенія участи низшаго класса. Оттого-то онъ и недовѣрчивъ къ

тора. Ничего не прибавляя къ дѣлу, это обстоятельство только вредитъ достоинству благонамѣреннаго труда.

подобнымъ обѣщаніямъ, и ничто его такъ не пугаетъ, какъ перемѣны, о которыхъ говорятъ ему, что для него онѣ къ-лучшему... На четвертый годъ пребыванія своего на мѣстѣ добровольные переселенцы не довели хлѣбонашества до *одной* еще десятины на ревизскую душу, оставались долѣ двухъ лѣтъ на казенномъ продовольствіи и задолжали въ казну. Вотъ и говорятъ теперь, что они лѣнтяи, что нужны мѣры строгости; но извѣстно, что это средство—рѣшительно—безполезно».

Оно, конечно, безполезно; но какъ удержаться предъ этимъ средствомъ, какъ предъ послѣднимъ и крайнимъ прибѣжищемъ, въ томъ случаѣ, когда всѣ заботы о край и его населеніи взяла на себя администрація, когда казна поставлена въ грустную необходимость продовольствовать весь край на свой собственный счетъ, а населеніе этого края лишено возможности трудиться въ пользу для себя, лишено самихъ средствъ трудиться и пользоваться плодами своихъ трудовъ? Создайте для человѣка искусственныя условія—и тогда не будетъ конца искусственнымъ мѣрамъ, вызываемымъ необходимостью.

«Разумѣется, что послѣ этого (продолжаетъ г. Завалишинъ) болѣе нельзя было ожидать добровольныхъ переселенцевъ, особенно когда и послѣднія извѣстія отъ выходившихъ съ Амура не были въ пользу переселенія. Какъ о характеристическомъ явленіи, упомянемъ о томъ, что нѣкоторые отставные нижніе чины, иные и семейные, вышли оттуда: а какъ бы, казалось, не остаться на томъ привольѣ, которое, какъ увѣряють, существуетъ тамъ для нихъ, особенно когда ужъ разъ были на мѣстѣ?»

Вотъ общая характеристика того способа, которымъ совершается заселеніе Амурскаго Края. Читатель видитъ, что это заселеніе носитъ характеръ искусственной плантаціи; что здѣсь все подогрѣто искусственною теплотой.

Чѣмъ далѣе идетъ дѣло, чѣмъ болѣе свѣдѣній получается объ Амурѣ, тѣмъ болѣе слабѣетъ первоначальное увлеченіе, тѣмъ болѣе волшебныя замки, построенныя пылкою фантазіей на основаніи одного увлеченія, разлетаются въ пухъ и въ прахъ. Оказывается, что Амуръ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемъ съ Миссисипи. Миссисипи круглый годъ открыта для плаванія; Амуръ цѣлые полгода покрытъ льдомъ; въ-теченіе шести мѣсяцевъ, открытыхъ для навигаціи, ни одному пароходу еще не удалось совершить по Амуру полного рейса внизъ и вверхъ. По широкому и глубокому фарватеру Миссисипи множество большихъ и тяжелыхъ пароходовъ подымается отъ устья вверхъ на 3000 верстъ безъ всякихъ препятствій и вполне-безопасно. По Амуру, несмотря на ширину его русла, могутъ ходить только такіа суда, которыя сидятъ въ водѣ весьма-неглубоко. Плаваніе по немъ затрудняется безчисленнымъ множествомъ острововъ, рукавовъ, мелей, отсутствіемъ постоянного фарватера, быстротою теченія, безпрестаннымъ поднятіемъ и паденіемъ уровня воды. Надобно читать дневникъ г. Маака,

чтобъ видѣть, съ какими трудностями соединено плаваніе по Амуру въ простой и нехитрой баржѣ. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ г. Завалишинымъ, видно, что изъ двухъ нашихъ пароходовъ, выстроенныхъ къ 1854 году, оба, «Аргунь» и «Шилка», оказались неспособными идти противъ теченія и, отправившись къ устью Амура, не возвращались болѣе вверхъ. Изъ нихъ *Шилка*, выйдя изъ шилкинскаго завода осенью 1855 года, добралась до Мариинска только лѣтомъ 1856 года, потому-что на дорогѣ сѣла на мель и тамъ замерзла. Сообщеніе по Амуру до-сихъ-поръ поддерживали только два парохода, *Лена* и *Амуръ*. *Лена* въ навигацію 1857 года могла совершить только одинъ рейсъ, и то только въ одну сторону; она съ большимъ трудомъ могла подняться отъ Мариинска до шилкинскаго завода и тамъ принуждена была зазимовать. Въ ту же навигацію *Амуръ* дошелъ только до Усть-Зей (Благовѣщенска), захотѣлъ воротиться назадъ, но сѣлъ на мель и замерзъ. Вотъ удобства плаванія по Амуру! Нѣтъ сомнѣнія, что противъ этихъ затрудненій современемъ найдутъ возможность успѣшно бороться, что важнѣйшія препятствія будутъ устранены, что для плаванія по Амуру не будутъ употребляться такихъ пароходовъ, которые могутъ безопасно плавать только по Миссиссипи; но дѣло въ томъ, что для этого необходимы извѣстные условія, необходимо развитіе частной и общественной дѣятельности, необходимо привлечь извѣстную массу дѣятельнаго, промышленнаго и предприимчиваго населенія. А какими средствами привлечь его? Можно ли одною силой сдѣлать что-нибудь въ этомъ случаѣ? Время не замедлитъ рѣшить вопросъ. Явятся ли далѣе живыя силы для того, чтобъ поддержать и развить наши амурскія колоніи, или имъ суждено надолго быть только военнымъ пунктомъ русскаго могущества на Восточномъ Океанѣ? Правда, они могутъ существовать, какъ военный пунктъ: въ этомъ значеніи своемъ они могутъ приносить важную пользу; тамъ можетъ быть сдѣлано русскою военной силы на Восточномъ Океанѣ. Но если эти колоніи сохранять за собою только значеніе военнаго пункта, а не сдѣлаются русскою народною колоніею въ полномъ смыслѣ, если этотъ край не будетъ связанъ органическою связью съ обширною русскою землею, то, какъ бы ни былъ силенъ этотъ военный пунктъ, владѣніе имъ останется непрочнымъ, и при первой военной неудачѣ его легко можно будетъ потерять. Не даромъ завистливыми глазами смотритъ Европа на усиленіе нашего флота на водахъ Восточнаго Океана. При первой войнѣ съ нашими поселеніями на Амурѣ можетъ быть то же, что было съ Севастополемъ.

Мы вовсе не принадлежимъ къ числу пессимистовъ, для которыхъ дѣла міра сего представляются въ черномъ цвѣтѣ; мы только указываемъ на неудобства той системы, которой слѣдуютъ, неудобства, усѣвшія уже обнаружиться въ явленіяхъ. Если лица, распоряжающіяся движеніемъ на Амурѣ, наткнулись на непреодолимые трудности, то прежде всего надобно удалить тѣ условія, отъ которыхъ эти трудности зави-

87
сять. Одно из двух: или колонія должна быть военная, и только военная, и тогда нѣзачѣмъ насильственно передвигать многочисленный классъ земледѣльцевъ; или колонія должна быть промышленная и земледѣльческая, и тогда нѣзачѣмъ ставить ее подъ гнѣтъ военной и административно-полицейской опеки, нѣзачѣмъ тогда отправлять свободныхъ переселенцевъ не иначе, какъ съ военной экспедиціей, и подвергать ихъ всѣмъ тягостямъ военной дисциплины; нѣзачѣмъ лишать ихъ возможности перевозить съ собою такое количество воловъ и барановъ, какое они считаютъ для себя нужнымъ. Земледѣльческая и промышленная колонизація, поставленная въ зависимость отъ административной опеки, никогда не можетъ дать ожидаемыхъ результатовъ, хотя бы ужъ и потому, что здѣсь все подчинено извѣстнымъ правиламъ, установленнымъ безъ знанія мѣстныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, между-тѣмъ какъ въ колонизаціи все дѣло въ этихъ обстоятельствахъ, и выигрываетъ только тотъ, кто умѣетъ ими пользоваться. Здѣсь много должно дать простора свободѣ личной, а безъ того все будетъ и шатко, и валко, и на сторону.

Ученая экспедиція г. Маака предпринята была въ то время, когда только начиналось посѣтшное, торопливое занятіе Амура. 7-го апрѣля 1855 года г. Маакъ съ товарищами выѣхалъ изъ Иркутска, 11-го мая они были на шилкинскомъ заводѣ, откуда и началось ихъ плаваніе сначала по Шилкѣ, потомъ по Амуру; 8-го августа, послѣ довольно-однообразнаго странствованія, они были въ Маринскѣ, и отсюда черезъ недѣлю отправились въ обратный путь. Должно замѣтить, что, плывя внизъ по Амуру, наши путешественники, кромѣ Албазина, нигдѣ не останавливались даже на сутки. Понятно, что, при такомъ способѣ путешествовать, изъ своей поѣздки наши ученые весьма-мало могли извлечь пользы; впрочемъ, какъ увидимъ впоследствии, не слѣдуетъ на одного г. Маака налагать за это отвѣтственность. Цѣль экспедиціи была ученая, главнымъ и даже почти исключительнымъ образомъ естественно-научная; самъ г. Маакъ натуралистъ, преимущественно ботаникъ; кромѣ него, въ экспедиціи участвовали: г. Герстфельдъ, котораго дѣятельность, впрочемъ, мало замѣтна, и которому, по словамъ г. Маака, принадлежитъ только обработка собранныхъ имъ плоскотѣлыхъ, кольчатыхъ, многоногихъ, ракообразныхъ и мягкотѣлыхъ—прапорщикъ корпуса топографовъ, г. Зандгагенъ и пренарантъ Фурманъ. Кандидатъ Кочетовъ хотя и былъ причисленъ къ экспедиціи, но вскорѣ получилъ отъ мѣстнаго начальства другое назначеніе, и его участія въ экспедиціи вовсе не замѣтно. За-то съ особенною похвалою каждый разъ, когда дойдетъ дѣло, отзывается г. Маакъ о своемъ молодомъ спутникѣ, г. Зандгагенѣ, скончавшемся вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія; называя его фамилію, г. Маакъ въ своемъ журналѣ рѣдко забываетъ прибавить постоянный эпитетъ «страстный охотникъ и неутомимый собиратель растений». Несмотря на быстрое плаваніе, несмотря на всѣ неудобства путешествія,

г. Зандгагенъ составилъ весьма-подробную и отчетливую карту теченія Амура, въ которой исправилъ множество ошибокъ, встрѣчавшихся въ прежде-изданныхъ картахъ.

Время, выбранное для экспедиціи, было самое неудобное: трудно съ пользою предпринимать ученыя поѣздки въ то время, когда совершается военное занятіе края; а это было именно въ то время, когда у насъ на Амурѣ начиналась самая лихорадочная дѣятельность, и между-тѣмъ не было еще извѣстно, какъ на это дѣло посмотреть китайское правительство. Неизвѣстно почему, баржу, занятую нашими учеными путешественниками, впрягли въ хвостъ военной экспедиціи, плывшій изъ Стрѣтенска въ Маріинскій Постъ, и въ хвостъ этой военной экспедиціи наши ученые, какъ выражается г. Маакъ, пролетѣли пространство отъ Албазина до выхода Амура изъ Хинганскаго Хребта, пространство въ тысячу верстъ. Понятно само-собою, что, при такомъ *полетѣ*, гдѣ и останавливались и снимались съ мѣста по сигналу, не спрашиваясь главы ученой экспедиціи, ни ботаническихъ, ни зоологическихъ, ни геогностическихъ экскурсій, ни этнографическихъ наблюденій производить не было никакой возможности, и наши путешественники во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ должны были сообразоваться съ распоряженіями военного начальника, г. Корсакова.

Только по выходѣ изъ Хинганскаго Хребта г. Мааку предоставлена была полная свобода дѣйствій: военная экспедиція, умчавшись впередъ, оставила его въ покоѣ. Этою свободою дѣйствительно воспользовался г. Маакъ, на сколько позволяли его ограниченныя средства. Вотъ какимъ образомъ онъ самъ опредѣляетъ значеніе своего труда: «Я не имѣлъ намѣренія представить въ своей книгѣ полную картину посѣщенныхъ мною земель. Экспедиція, изслѣдовавшая въ девять мѣсяцевъ огромное пространство страны, почти совершенно-неизвѣстной, не могла ни въ какомъ случаѣ дать такого удовлетворительнаго результата. Поэтому въ моей книгѣ нельзя искать той отчетливости свѣдѣній, какихъ мы въправѣ будемъ требовать отъ путешественниковъ, которые будутъ изслѣдовать Амурскій Край подъ вліяніемъ болѣе-благопріятныхъ условій и которымъ эта книга облегчить, я надѣюсь, трудъ изслѣдованія. Историческій отчетъ (журналъ путешествія), занимающій большую часть книги, *не заключаетъ въ себѣ даже почти никакихъ общихъ выводовъ...* Группировать факты, высказывать какія-либо соображенія о ихъ взаимной связи и значенія я болѣею частью не рѣшался, по недостаточности матеріаловъ, которыми я могъ располагать». Можемъ прибавить къ этому, что слова эти вылились вовсе не отъ избытка смиренія у достопочтеннаго автора и ученаго изслѣдователя приамурской страны: въ этихъ словахъ дѣйствительно заключается самая вѣрная характеристика его ученаго труда. Этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ только собраніе грубаго матеріала, которымъ впоследствии можетъ воспользоваться ученый при описаніи растительнаго или животнаго царства амурской страны.

Причаливая къ берегу, чтобъ отдохнуть, г. Маакъ не забываетъ привести самый подробный списокъ латинскихъ наименованій тѣхъ растений, которые ему удалось здѣсь увидѣть; за этимъ слѣдуетъ списокъ тѣхъ птицъ, которыхъ убилъ или только видѣлъ «страстный охотникъ», г. Зандгагенъ. Журналъ веденъ чрезвычайно—сухо и безжизненно. Напрасно бы читатель, на основаніи этого журнала, пожелалъ составить себѣ какое-нибудь понятіе о той мѣстности, которая представлялась взорамъ нашихъ путешественниковъ, когда они плыли внизъ по Амуру; изъ журнала г. Маака онъ узнаетъ только, что 7-го іюня направо берегъ былъ пологій, а налѣво возвышенный, на правой сторонѣ тянулись дуга, а налѣво видѣлись лѣсъ и мелкій кустарникъ; 8-го іюня видъ былъ тотъ же, или наоборотъ, направо горы, налѣво покатость и т. д.

Чувство красоты, способность живописать мѣстность, способность представить читателю такую картину, чтобъ она надолго запала въ память, чтобъ описываемая мѣстность возстала предъ нимъ въ живыхъ очеркахъ, дается, конечно, не каждому. Нечего, поэтому, обвинять г. Маака, если его описаніе поѣздки на Амуръ, при своей неполнотѣ и недостаточности (въ чемъ и онъ самъ, мы видѣли, сознается), отличается сухостью, вялостью, неимовѣрною скукою; обвинять его въ этихъ недостаткахъ, повторяемъ, мы не имѣемъ права; но считаемъ нужнымъ предложить вопросъ: для чего и съ какою цѣлью нужно было печатать этотъ журналъ? Онъ занимаетъ бесполезно большую половину книги, не внося ничего новаго въ тѣ свѣдѣнія объ Амурѣ, которые мы уже имѣемъ. Наконецъ, тотъ естественно-научный матеріалъ, который по частицамъ разбросанъ въ этомъ журналѣ, собранъ въ концѣ книги, въ систематическомъ порядкѣ, въ особенныхъ статьяхъ, составляющихъ приложеніе. Тотъ, кому нужно познакомиться съ амурской флорой или фауной, обратится, конечно, къ этимъ приложеніямъ, составленнымъ весьма-основательно, а въ журналъ г. Маака не заглянетъ. Какой же имѣетъ интересъ этотъ журналъ? Оно, какъ отчетъ г. Маака, важенъ и имѣетъ интересъ, конечно, для тѣхъ, кто посылалъ на Амуръ г. Маака и кому желательно знать, какъ онъ исполнялъ возложенныя на него порученія, что онъ дѣлалъ день за днемъ. Съ этой точки зрѣнія дневникъ г. Маака дѣйствительно можетъ имѣть интересъ особеннаго рода: онъ не забываетъ записать, когда его мочилъ дождь, когда его кусали комары и мошки; и такъ—какъ и дождь, и комары, и мошки тревожили безпрестанно почтеннаго ученаго, то весь дневникъ наполненъ замѣтками, посвященными этимъ тремъ предметамъ. Дождь преслѣдовалъ почтеннаго ученаго почти во все время его продолжительнаго странствованія; потомъ на смѣну его явились кровожадныя насѣкомыя; оттого каждый день въ журналѣ г. Маака начинается замѣткою о томъ, какъ въ продолженіе предшествовавшей ночи онъ страдалъ отъ того, или отъ другого врага, и какія онъ принималъ предосторожности противъ своихъ враговъ. Это напомнило намъ дневникъ другаго, достойнаго уваженія мужа, въ кото-

ромъ ежедневно встрѣчалась прелюдія: «благодареніе Господу Богу, эту ночь я спалъ покойно!»

Личныя ощущенія ученаго путешественника, латинскій перечень видѣнныхъ или собранныхъ растений и животныхъ, описаніе мѣстности въ общихъ, неопредѣленныхъ очеркахъ составляютъ главное содержаніе путевого журнала, которому авторъ далъ названіе «историческаго отчета»! Только мѣстами, какъ крупницы, встрѣчаются мелкія замѣтки, попавшія сюда, явно, совершенно-случайнымъ образомъ. Такъ ученый странствователь нѣсколько разъ жалуется на ту трудность, съ которою онъ доставалъ себѣ проводниковъ изъ туземцевъ; это тѣмъ болѣе для него непонятно, что вообще туземные народцы, орочане, манягры, дауры, тунгусы, гольдіи, даже маньчжуры, отличаются обходительностью, ласковостью въ обращеніи, добродушіемъ, готовностью къ услугамъ. Нѣсколько разъ даже за большія деньги, къ которымъ туземцы очень-надки, г. Маакъ не могъ добыть себѣ проводника. Онъ предполагаетъ, что маньчжурское начальство запретило указывать русскимъ фарватеръ Амура; это очень-легко можетъ быть. Но намъ кажется, что нѣзачѣмъ заходить такъ далеко, нѣзачѣмъ вліянію начальства приписываетъ того, что легко могло случиться вслѣдствіе самаго естественнаго, самаго простаго народнаго побужденія. Припомнимъ по этому случаю одну легенду, которую, какъ намъ достовѣрно извѣстно, удалось недавно слышать на Уралѣ. Одинъ вогуль указалъ русскимъ дорогу къ горѣ Благодатной, указалъ имъ ея неисчислимыя минеральныя богатства. Земляки-вогула пришли въ негодованіе отъ посягательства своего соплеменника; эти люди, обыкновенно смиренныя и добрыя, страшно наказали измѣнника: они сожгли его на мѣстѣ преступленія. Жалкія, ничтожныя племена, обиженные міровымъ движеніемъ исторіи, оставшіяся въ сторонѣ отъ этого движенія, инстинктивно чуютъ, что съ появленіемъ въ нихъ странѣ образованнаго народа имъ угрожаетъ неизбежная гибель. Неспособные ни къ какому дѣйствительному, энергическому сопротивленію, они могутъ противопоставить только силу туаго, пассивнаго упорства; они стараются только скрывать отъ пришельцевъ богатства своей родной почвы, полагая, что безъ ихъ помощи они этихъ богатствъ не откроютъ, и что такимъ образомъ притягательная сила будетъ дѣйствовать на пришельцевъ гораздо-слабѣе. Такъ, несмотря на всѣ просьбы г. Маака, туземцы отказались провести его на одну гору, которая, по слухамъ, изобилуетъ серебряною рудою.

Отъ прежней русской границы, отъ Усть-Стрѣлки, и до устья рѣки Зен, до нынѣшняго Благовѣщенска, страна населена весьма-слабо, и нашимъ путешественникамъ попадались только кое-гдѣ одинокія юрты орочанъ, манягровъ и дауровъ; но отъ устья рѣки Зен страна получаетъ совершенно-другой видъ, и безпрестанно виднѣются на берегу довольно-значительныя маньчжурскія селенія. Въ двадцати верстахъ ниже Усть-Зен, на правомъ берегу Амура, лежитъ маньчжурскій городъ Айгунь,

центр управления всею окрестною страню. Здѣсь въ прошломъ году велись переговоры съ китайскими уполномоченными о новой границѣ между двумя имперіями, и 16-го мая былъ подписанъ генераломъ Муравьевымъ трактатъ, по которому вся лѣвая сторона Амура до впаденія въ него рѣки Уссури, и далѣе весь правый берегъ Уссури были уступлены Россіи. Вскорѣ затѣмъ тѣн-цзинскій трактатъ, какъ извѣстно, навсегда укрѣпилъ за Россіею это пріобрѣтеніе. Объ Айгунѣ читатели могутъ найти въ журналѣ г. Маака довольно-подробныя свѣдѣнія, а въ прекрасномъ альбомѣ, приложенномъ къ изданію, они увидятъ планъ маньчжурскаго города. Такое вниманіе нашего ученаго ботаника къ городу Айгуну объясняется тѣмъ, что злая судьба, въ видѣ морозовъ, наступившихъ уже въ началѣ октября, лишила его возможности продолжать плаваніе вверхъ по Амуру и заставила его обратиться къ маньчжурскому начальству съ просьбою доставить ему средства окончить свое путешествіе сухимъ путемъ. Пока пришло разрѣшеніе изъ Пекина, нашихъ путешественниковъ продержали въ Айгунѣ цѣлый мѣсяцъ. Впродолженіе этого времени маньчжурскіе чиновники оказывали самое лестное вниманіе г. Мааку, и нашъ ученый натуралистъ не нахвалится ихъ ласковымъ обращеніемъ, ихъ готовностью на всевозможныя услуги. Они его въ избыткѣ снабжали всѣмъ продовольствіемъ и на дорогу дали ему столько всякихъ припасовъ, что онъ могъ быть совершенно снокоенъ за участь своей свиты; только, къ сожалѣнію, маньчжурская водка оказалась слишкомъ-слабою. Изъ обхожденія маньчжурскихъ чиновниковъ съ г. Маакомъ и съ другими русскими можно вывести то заключеніе, что китайское правительство въ то самое время, когда совершалось русскими занятіе Амура, вовсе не смотрѣло на насъ недоброжелательно, нисколько не обижалось нашими дѣйствіями, постоянно твердило о старинной дружбѣ, связывавшей Китай съ Россіей, и старалось этой дружбы не нарушить. По всему видно, что оно вовсе не придавало особеннаго значенія нашей дѣятельности на Амурѣ.

Туземные народцы, обитающіе на Амурѣ, давнымъ-давно уже вышли изъ первоначальной грубости. Охота и, въ-особенности, рыбная ловля составляютъ, конечно, ихъ главные промыслы; но почти на всемъ протяженіи Амура туземцы съ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ. Ниже Усть-Зей все чаще-и-чаще встрѣчаются застѣянные поля. Домашній бытъ, въ-особенности у маньчжуровъ, свидѣтельствуетъ о значительной степени достатка. Грамотныхъ людей между ними встрѣчается очень-много.

Всѣмъ туземцамъ знакомо употребленіе водки, и русскую водку они предпочитаютъ всякой другой. Первый вопросъ, съ которымъ обыкновенно туземцы обращались къ г. Мааку и его спутникамъ, былъ вопросъ о томъ, есть ли у нихъ водка, и за русскую водку даже орочане и маньчжурскія племена изъ пріамурскихъ обитателей, предлагали нашимъ путешественникамъ русскія деньги.

Г. Маакъ, по его словамъ, готовится теперь отправиться вторично въ ученую экспедицію на Амуръ. Пожелаемъ ему большаго успѣха сравнительно съ его первою поѣздкою; пожелаемъ ему, чтобъ онъ не страдалъ отъ военныхъ обстоятельствъ, отъ военныхъ сигналовъ, отъ дождя, комаровъ и мошекъ. Но пожелаемъ прежде всего, чтобъ въ ученой экспедиціи на Амуръ, кромѣ специалистовъ—ботаниковъ и зоологовъ, приняли участіе и другія лица, которыя доставили бы намъ болѣе-подробныя и полезныя свѣдѣнія о свойствахъ края, о производительныхъ его средствахъ, о характерѣ, свойствахъ и образѣ жизни его обитателей.

И. А.

Объ училищахъ для дѣвицъ въ уездныхъ городахъ.
Москва. 1859.

Брошюрка эта принадлежитъ къ числу произведеній, въ которыхъ много фразъ и мало дѣла. Въ былое время (года два-три назадъ) авторъ подобнаго творенія могъ бы составить себѣ нѣкотораго рода извѣстность: такъ краснорѣчиво говорить онъ о порокахъ въ современной жизни людей средняго и низшаго классовъ общества; такъ восторженно описываетъ онъ зло и безнравственность этихъ людей, составляетъ для исправленія ихъ такіе умильные и наивные планы, что страждущему, грѣховному человѣчеству для исправленія своей нравственности и для улучшенія своего матеріальнаго быта, короче — *для счастья и отрады въ жизни сей* только и остается, что прочесть эту брошюрку и идти по дорогѣ, указанной ея благодѣтельнымъ авторомъ... Брошюра начинается громко и восторженно:

«Въ числѣ важныхъ вопросовъ, заволновавшихъ въ послѣднее время всю мыслящую Русь (говоритъ онъ), на первомъ планѣ явился вопросъ о воспитаніи женщины.

«Наконѣцъ—то (читаемъ далѣе) всѣ поняли и сознали ту простую, но непреложную истину, что нигдѣ и никогда цивилизація невозможна, если женщина остается въ пренебреженіи или забвеніи (*) и что вездѣ и всегда съ образованія женщины должна начинаться цивилизація, если хочетъ быть истинной цивилизаціей, а не громкимъ словомъ безъ значенія, то—есть, если хочетъ возвысить, облагородить человѣчество, довести его до совершеннаго пониманія нравственнаго долга, на которомъ одномъ зиждется непоколебимо благосостояніе обществъ и государствъ, отъ котораго зависитъ долгое, въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій, процвѣтаніе ихъ, и безъ котораго преждевременное, безславное разрушеніе ихъ неизбѣжно».
(Стр. I).

Кажется, вступленіе это довольно уже говорить о необходимости образованія для женщины (хотя, по правдѣ сказать, никто и не нуждается въ

(*) Истина эта давно признана; только премѣненіе ея къ жизни, къ дѣлу мало подвигается впередъ.